

Кто совершалъ таинство покаянія въ древней церкви? ¹⁾

Покаянный пресвитеръ.—Сравненіе покаяннаго пресвитера съ духовнымъ отцемъ.—Вопросъ о ближайшихъ преемникахъ покаяннаго пресвитера по взглядамъ проф. Павлова и проф. Суворова.—Епископъ какъ совершитель тайной исповѣди.—Примѣры совершенія покаянія пресвитерами въ періодъ вселенскихъ соборовъ.—Выводы.

Совершенно въ другомъ направленіи разрабатывалась тайная исповѣдь и ея органъ на практикѣ высшими представителями церковной власти. Первое свидѣтельство объ ея опредѣленной постановкѣ въ церкви мы имѣемъ въ извѣстномъ разсказѣ церковныхъ историковъ Сократа и Созомена объ уничтоженіи должности покаяннаго пресвитера въ Константинополѣ. Сократъ разсказываетъ: „послѣ того, какъ новаціане отдѣлились отъ церкви (250—253) и не хотѣли имѣть общенія съ падшими во время Декіева гоненія (249—251 гг.), епископы присоединили къ церковному чину пресвитера-духовника (точнѣе: пресвитера для покаянія, покаяннаго пресвитера—*ὁ ἐπὶ τῆς μετάνοιᾶς πρεσβύτερος*), чтобы падшіе послѣ крещенія исповѣдывали грѣхи свои предъ нарочно для сего поставленнымъ священникомъ“. Хронологическая дата, указанная Сократомъ, очень вѣроятная, однако не всѣми принимается. Созоменъ склоненъ выводить происхожденіе покаяннаго пресвитера съ самаго начала церкви, но это гораздо сомнительнѣе ¹⁾. Оба историка даютъ знать, что долж-

¹⁾ Пръ долженіе, см. *мартъ* 1906 г.

²⁾ Сократъ и Созоменъ историкъ не одного достоинства. Сократъ—безпристрастный, правдивый и способный отличать истинное отъ неистиннаго. (Проф. А. И. Лебедева, Церковная всторіографія, М. 1898. 155 и выше). Интересующее насъ происшествіе объ уничтоженіи покаяннаго пресвитера онъ зналъ изъ достовѣрнаго источника, —отъ пресвитера Евдемона, принимавша-

ность покаяннаго пресвитера введена была во всей восточной церкви. Но въ этомъ можно усомниться. К. Голль доказываетъ, что покаянному пресвитеру не было мѣста тамъ, гдѣ дѣйствовала дисциплина покаянныхъ степеней. Онъ могъ существовать только въ церквахъ, гдѣ дѣйствовала дисциплина Апостольскихъ Постановленій. Но и то не вездѣ: института покаяннаго пресвитера не было на Западѣ, въ Александріи, въ Іерусалимѣ ¹⁾. Названный историкъ ограничиваетъ существованіе этой должности однимъ Константинополемъ. Однако это намъ представляется крайностью. Когда появилась должность покаяннаго пресвитера въ церкви въ полов. III, Византія (будущій Константинополь) не играла замѣтной церковной роли. Институтъ этотъ долженъ былъ поэтому явиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и уже

го въ этомъ непосредственное участіе. *Созоменъ*—компиляторъ, списавшій большую часть своей исторіи съ труда Сократа то дословно, то въ пердѣлкѣ (*Тамъ же*, 168—192). Никакихъ слѣдовъ личнаго знакомства съ описываемымъ происшествіемъ помимо Сократа Созоменъ не обнаруживаетъ и самъ же сознается, что отступаетъ отъ него только по своимъ домысламъ: „другіе можетъ быть рассказываютъ иначе; а я расскажу какъ думаю“. Разборъ сказанія Созомена см. у *Batiffol'*я о. с. pp. 151—152. Стремленіе примирить рассказы обоихъ историковъ только затемняло дѣло; поэтому мы будемъ разбирать рассказъ одного Сократа. Слова же Созомена помѣщаемъ подъ строкой. „Поелику не грѣшить свойственно только природѣ выше человѣческой и кающимся, хотя бы они часто согрѣшали, Богъ повелѣлъ даровать прощеніе, а между тѣмъ для полученія прощенія подлежало исповѣдать грѣхъ, что епископамъ съ самаго начала (*ἐξ ἀρχῆς*) по справедливости должно было казаться тяжкимъ, какъ въ самомъ дѣлѣ объявлять грѣхи *будто на зрѣлищѣ предъ собраніемъ всей церкви*, то для сей цѣли они назначили пресвитера самой отличной жизни, молчаливаго (*ἡσυχίου*) и благоразумнаго, чтобы согрѣшившіе, приходя къ нему, исповѣдывали свои дѣла, а онъ, смотря по грѣху каждаго, назначалъ, что кому надобно дѣлать или какое повестъ наказаніе, и потомъ разрѣшалъ (*ὁ δὲ πρὸς ἑκάστου ἀμαρτίαν, ὅτι χρὴ ποιεῖν ἢ ἐκτίβει ἐπιτίμων θείας, ἀπέλυε*), предоставивъ всякому согласно предписаніямъ наказъ самому себя“ *Сократъ*, Ист. ц. кн. V, гл. 19, *Migne* LXVII, 613—616: р. пер. СПб. 1850. 418 — 419. *Созоменъ*, Ист. ц. кн. VII, гл. 16, *Migne* Ibid. 1457—1460; р. п. СПб. 1851. 506—508.

¹⁾ К. Голль о. с. 246. *Проф. Суворовъ*, не оспаривая мѣстнаго значенія покаяннаго пресвитера, не согласенъ съ К. Голлемъ относительно того, что названный институтъ не могъ существовать при системѣ покаянныхъ степеней, потому что и она давала нѣкоторый просторъ индивидуальной оцѣнкѣ лицъ и обстоятельствъ. См. разборъ *кн. Голля* Виз. Врем. 1899 № 3 и отд. отд., 39.

оттуда перейти въ Константинополь. Далѣе. Послѣ уничтоженія его въ столицѣ онъ продолжалъ существовать въ нѣкоторыхъ еретическихъ обществахъ до времени по крайней мѣрѣ Сократа (40-ые годы V в.). Этотъ историкъ, такъ хорошо знавшій случай уничтоженія должности, свидѣтельствуешь: „въ нѣкоторыхъ еретическихъ обществахъ это правило (исповѣдывать грѣхи свои предъ нарочито для этого поставленнымъ пресвитеромъ) соблюдается и до нынѣ“ (*οὗτος ὁ καὶ οὗ κατέῃ μέλλοι νῦν ἐν ταῖς ἄλλαις αἰρέσεσι*). Изъ дальнѣйшихъ словъ Сократа, что „одни только исповѣдники единосущія и единомысленныя съ ними въ вѣрѣ новаціане отвергли покаяннаго пресвитера“,—можно заключать, что институтъ сохранилъ свое существованіе въ аріанскихъ и можетъ быть полуаріанскихъ общинахъ. Отсюда также слѣдуетъ, что институтъ покаяннаго пресвитера имѣлъ нѣкую распространенность на Востокѣ.

По согласному свидѣтельству обоихъ историковъ уничтожена была эта должность константинопольскимъ патріархомъ Нектаріемъ (381—397 гг.) послѣ слѣдующаго происшествія. Одна благородная женщина пришла къ покаянному пресвитеру и подробно исповѣдывала предъ нимъ грѣхи свои, сдѣланные послѣ крещенія. Пресвитеръ предписалъ ей поститься и молить Бога о прощеніи. Но женщина, очевидно застыдившаяся сначала, открылась затѣмъ въ болѣе тяжкомъ грѣхѣ,—въ преступной связи съ діакономъ ¹⁾. Когда это открылось, діакономъ былъ отлученъ, а въ народѣ произошло волненіе, негодованіе противъ духовенства и насмѣшки надъ нимъ. Тогда священникъ Евдемонъ изъ константинопольскаго клира, родомъ александріецъ, по разсказу Сократа „подалъ епископу Нектарію совѣтъ отмѣнить покаяннаго пресвитера и позволить каждому приступать къ таинству по суду собственной его совѣсти; ибо только этимъ способомъ можно соблюсти церковь отъ поношенія. Я (т. е. историкъ Сократъ) тогда же сказалъ Евдемону: —Богъ знаетъ, пресвитеръ, принесетъ ли твой совѣтъ пользу

¹⁾ Такъ выходитъ изъ показанія Сократа. Довѣряя Созомену, нѣкоторые ученые представляютъ, что это признаніе произошло на другой исповѣди, что согрѣшившій діакономъ былъ помощникомъ покаяннаго пресвитера, надзиравшимъ за кающимися. Но вѣроятнѣе—все это домыслы историка.

или нѣтъ. Вижу, что онъ далъ христіанамъ предлогъ не обличать другъ друга въ прегрѣшеніяхъ и не соблюдать апостольскаго повелѣнія, говорящаго: *не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте*“ (Ефес. V, 11) ¹⁾.

Это свидѣтельство во многомъ неясно и издавна возбуждаетъ много споровъ—особенно въ послѣдней части—и догадокъ въ объясненіи самаго происшествія уничтоженія покаяннаго пресвитера, а въ также въ изложеніи слѣдствій, проистекшихъ изъ этого распоряженія патріарха для покаянной дисциплины въ церкви ²⁾. Мы постараемся собрать только болѣе вѣроятныя положенія, вытекающія изъ самаго текста приведенныхъ свидѣтельствъ, притомъ касающіяся главнымъ образомъ самаго органа исповѣди—покаяннаго пресвитера. Должность покаяннаго пресвитера была учреждена епископами, которые одни только имѣли право отлучать и принимать падшихъ и согрѣшившихъ, одни имѣли власть вязать и рѣшить,—*учреждена епископами для замѣстительства ихъ самихъ въ дѣлѣ покаянія*. Покаянный пресвитеръ былъ органомъ публичнаго покаянія только особаго вида—публичнаго покаянія безъ открытой исповѣди: онъ вѣдалъ прежде всего каноническіе грѣхи, подвергающіе грѣшника публичному покаянію, выслушивалъ ихъ на частной ис-

¹⁾ Созоменъ передаетъ: „Недоумѣвая, какъ поступить въ этомъ случаѣ, Нектарій лишилъ виновнаго степени діаконской и, когда нѣкоторые посоветовали ему позволить каждому, внимая голосу своей совѣсти и вѣдая собственнымъ дерзновеніемъ (*ὡς ἂν ἑαυτοῖς συνιδείη καὶ θαυροῦν διανοήσας*), пріобщаться св. Тайнѣ, отмѣнилъ должность пресвитера надъ кающимися. Съ того времени такъ и осталось; ибо древность съ ея благочиніемъ и строгостью тогда начала уже, думаю, мало по малу перерождаться въ безразличный и небрежный образъ жизни; а прежде, кажется, было менѣе грѣховъ, частію по стыдливости тѣхъ, которые сами объявляли свои грѣхи, частію по строгости поставленныхъ надъ этимъ судей“.

²⁾ *Суворовъ*, Объемъ 40—44; 87—95. *Алмазовъ*, Тайная исп. I 40—43; 48: 55 — 64. *Holl*, о. с. 245 — 252. Отмѣтимъ какъ рѣшается вопросъ Balitbol. строго держащійся текста Сократа. „Скандалъ состоялъ въ томъ, что діаконъ былъ низложенъ по оговору одного свидѣтеля, который сверхъ того былъ его участникомъ (—женщиной). Однако ничего бы этого не произошло, еслибы виновная женщина не была обязана открывать свою совѣсть покаянному пресвитеру: поэтому негодованіе падало на институтъ покаяннаго пресвитера, т. е. на слѣдствіе, предшествующее reconciliación“ (*Etud. d'histoire...* p. 157).

повѣди, но подвергалъ прохожденію публичнаго покаянія. Однако учрежденіе новой церковной должности тамъ, гдѣ она имѣла мѣсто, внесло нѣкоторое ослабленіе въ покаянную дисциплину: теперь пока обязательность публичной исповѣди смертныхъ грѣховъ предъ церковнымъ собраніемъ, явилась возможность замѣнять такую исповѣдь частной предъ пресвитеромъ (по Созомену выходить—тайной, потому что пресвитеръ называется „молчаливымъ“). Каковъ былъ объемъ исповѣди предъ покаяннымъ пресвитеромъ? Очевидно эта была исповѣдь по всякимъ грѣхамъ. Сначала пресвитеръ подвергъ женщину за исповѣданные грѣхи лишь посту и молитвѣ, а не каноническому покаянію, значить, не услыхалъ отъ нея грѣховъ тяжкихъ. Но затѣмъ женщина открыла ему и опять на частной исповѣди и тяжкій каноническій грѣхъ. Однако это не означаетъ того, что публичная исповѣдь со введеніемъ института покаяннаго пресвитера вовсе отмѣнялась. Она продолжала существовать и теперь, но можетъ быть стала дѣломъ доброй воли и усердія согрѣшившаго. Введеніе должности покаяннаго пресвитера давало тяжкимъ грѣшникамъ возможность по желанію замѣнять обязательную прежде открытую исповѣдь исповѣдью частной, которой тяжкіе грѣхи особенно явные ранѣе не подлежали. Учрежденіе должности не означаетъ введенія тайной исповѣди въ церкви: она существовала вѣроятно и ранѣе, не означаетъ ея обязательности для каждаго грѣха каждаго вѣрующаго, потому что предписаніе на этотъ счетъ встрѣчается не ранѣе XII в. и потому еще, что тогда непонятно бы было уничтоженіе этой церковной должности, еслибы съ нею такъ тѣсно связанъ былъ такой важный церковный институтъ ¹⁾. И въ остальныхъ чертахъ своихъ покаянная дисциплина осталась неизмѣнной. Осталось публичное покаяніе, такъ какъ каноническіе грѣхи, которые главнымъ образомъ и приходилось выслушивать покаянному пресвитеру, попрежнему подвергали грѣшника временному отлученію и прохожденію открытаго покаянія. Пресвитеръ только замѣщалъ епископа въ руководительство этимъ покаяніемъ. За нимъ оставалось и другое право, принадлежавшее епи-

¹⁾ „Въ одномъ органѣ теперь слились теперь обѣ формы исповѣди и публичная и частная“,—такъ разсуждаетъ проф. Алмазовъ. Тайная испов., I. 48. Однако о принятіи публичной исповѣди покаяннымъ пресвитерами нѣтъ извѣстій.

скоцу,—принимать обвиненіе въ грѣхахъ и налагать на виновныхъ соотвѣтствующее наказаніе,—т. е. не пастырская, а ужъ чисто судебная функція. Пресвитеръ удалялъ недостойныхъ отъ таинства евхаристіи. То и другое слѣдуетъ изъ заключительныхъ словъ Сократа. Но едва ли покаянный пресвитеръ имѣлъ право разрѣшать прошедшихъ предписанное покаяніе; разрѣшеніе при помощи возложенія рукъ и торжественнаго примиренія вѣроятно оставалось привилегіей епископа ¹⁾).

Введеніе института покаяннаго пресвитера такимъ образомъ не имѣло рѣшающаго значенія для покаянной дисциплины Востока. Оно будетъ представляться еще скромнѣе, если принять предположеніе, что это былъ институтъ мѣстный, а не общецерковный.

Поэтому такое же незначительное и вѣроятно мѣстное вліяніе имѣло на судьбу покаянной дисциплины и уничтоженіе должности покаяннаго пресвитера въ Константинополѣ при патріархѣ Нектаріѣ. Если институтъ покаяннаго пресвитера былъ гдѣ-нибудь и еще на Востокѣ, то онъ могъ сохраниться послѣ распоряженія Константинопольскаго патріарха, власть котораго въ IV в. еще не простиралась на остальные церкви. Разумѣется, нельзя предполагать, что слѣдствіемъ этого ничтожнаго обстоятельства было паденіе публичной покаянной дисциплины на всемъ Востокѣ. Противъ этого говоритъ вся дальнѣйшая исторія восточной покаянной дисциплины. Такого значенія не имѣло это происшествіе и мѣстно для Константинополя. Если съ учрежденіемъ должности покаяннаго пресвитера епископы, не создавая новыхъ функцій, только уступили ему часть своихъ дѣлъ—принятіе исповѣди и руководство публичнымъ покаяніемъ, то съ уничтоженіемъ ея этотъ кругъ дѣлъ снова перешелъ къ епископамъ безъ уничтоженія какихъ либо функцій. Правда, фактически уничтоженіе должности покаян-

¹⁾ *Суворова*, Объемъ дисц. суда, 40—44; 87—95. *Алмазовъ*, Тайная испов. I, 40—43; 48; 55—64. *Holl*, Enthusiasmus... 247. Правда Созоменъ пишетъ: ὁ δὲ πρὸς τὴν ἑκάστον ἁμαρτίαν διὰ χρὴ ποιεῖσαι ἢ ἐκτίσαι ἐπιτίμιον θεὸς, ἀπέλυε παρὰ σφῶν τὴν δίκην εἰσπραξάμενος. Но можетъ быть это его, собственный домыслъ. Въ извѣстіи Сократа этой важной черты не находимъ. Притомъ же свидѣтельство это подвергается несходнымъ толкованіямъ. Ср. *Holl*, S. 251, *Суворова*, Объемъ... 91—92, прим. 3.

наго пресвитера содѣйствовало ослабленію покаянной дисциплины, такъ какъ спеціальнѣйшій церковный органъ долженъ былъ придавать ей особую прочность. Епископы же въ IV в. слишкомъ заняты были разными дѣлами, чтобы исправно нести руководство падшими, и такимъ образомъ надзоръ за кающимися былъ очень ослабленъ тамъ, гдѣ прежде существовалъ, а затѣмъ былъ уничтоженъ институтъ покаяннаго пресвитера. Покаянный пресвитеръ рѣшалъ для сомнѣвающихся, приступать ли ему къ св. Тайнамъ или нѣтъ. Теперь рѣшеніе этихъ сомнѣній предоставлялось совѣсти каждаго, которая иногда оказывалась судьей, недостаточно строгимъ. Но конечно церковь по прежнему не позволяла приступать къ чапѣ явнымъ грѣшникамъ, что можно видѣть изъ словъ Златоуста, непосредственнаго преемника Нектарія.

Какія же слѣдствія имѣло константинопольское происшествіе для тайной исповѣди? Несомнѣнно болѣе важныя, чѣмъ для публичнаго покаянія. Если епископамъ было недосугъ смотрѣть за покаяніемъ открытыхъ тяжкихъ грѣшниковъ, то тѣмъ менѣе они имѣли времени выслушивать сверхъ того исповѣдь тайныхъ грѣховъ, которыхъ конечно всегда больше, чѣмъ явныхъ. Если открытые, соблазнительные для общества, грѣхи не находили теперь соответствующаго наказанію и пастырскаго уврачеванія, то было ли возможно вѣрующимъ осаждать своихъ епископовъ изъ за грѣховъ меньшей важности, которые и составляли главный предметъ тайной исповѣди? Конечно нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ вѣрующій оставался безъ посторонняго руководства и руководителя, предоставленъ былъ голосу своей совѣсти. Съ уничтоженіемъ покаяннаго пресвитера тайная исповѣдь на Востокѣ фактически на долгое время осталась почти безъ органа. Интересы ея отъ этого несомнѣнно страдали и страдали сильно. Она не могла быстро развиваться. Ниже будутъ приведены факты принятія епископами тайной исповѣди. И они покажутъ, что епископъ на Востокѣ въ эпоху вселенскихъ соборовъ являлся признаннымъ церковнымъ органомъ покаянія и отчасти былъ имъ на дѣлѣ. Другіе факты дадутъ знать, что иногда епископы уступали это право нѣкоторымъ пресвитерамъ. Но можетъ быть именно въ связи съ тѣмъ, что совершеніе покаянія и тайной исповѣди принадлежало то одной то другой власти, стоитъ то об-

стоятельство, что въ восточной церкви такъ поздно, только въ XII в. тайная исповѣдь стала общеобязательной, только тогда начала признавать непремѣннымъ средствомъ прощенія всякаго грѣха всѣхъ христіанъ, а до того времени была лишь однимъ изъ средствъ прощенія грѣховъ на ряду съ милостыней, слезами, прощеніемъ обидъ и проч. ¹⁾). Отсутствіе особаго церковнаго органа тайной исповѣди препятствовало ея выдѣленію изъ ряда другихъ средствъ примиренія съ Богомъ, выработкѣ ея въ особый церковный институтъ.

Теперь спрашивается, *нельзя ли видѣть въ должности покаяннаго пресвитера, существовавшей съ пол. III в. и уничтоженной въ Константинополѣ въ концѣ IV в., родоначальника или прототипъ позднѣйшаго духовника?* Нельзя ли во-первыхъ думать, что послѣднее учрежденіе по своимъ внутреннимъ чертамъ совпадало съ институтомъ, упраздненнымъ патр. Нектаріемъ,—что учредители духовничества взяли за образецъ для него должность покаяннаго пресвитера,—а во-вторыхъ, нѣтъ ли генетическаго преемства между этими обоими институтами чрезъ посредство того неизвѣстнаго пока органа тайной исповѣди, который явился въ церкви на смѣну покаянному пресвитеру? Нельзя отрицать, что взятые отвлеченно оба института имѣютъ нѣкоторое сходство. Сходство заключается въ томъ прежде всего, что духовникъ обладаетъ тою же іерархической степенью, что и покаянный пресвитеръ, а затѣмъ въ томъ, что какъ покаянный

¹⁾ Какъ долго существовала въ другихъ церквахъ Востока кромѣ Константинопольской должность покаяннаго пресвитера, какъ она дѣйствовала и вліяла на ходъ развитія покаянной дисциплины, строго говоря, ничего неизвѣстно. Термины: *ὁ ἐπὶ τῇ μετανοίᾳ πρεσβύτερος*, или *ὁ ἐπὶ τῶν μετανοούντων τεταμενός πρεσβύτερος* кромѣ разобранныхъ свидѣтельствъ историковъ Сократа и Созомена не встрѣчаются въ древней христіанской письменности.—*Аббатъ Вахандаръ* сначала предполагаетъ (*La discipline pénitentielle. Le traitement des peccata leviora dans l'eglise primitive. Revue du clergé Français* 1901. t. 27, pp. 461—462, note 4) потомъ утверждаетъ положительно (*La pénitence publique dans l'eglise primitive*, p. 14. *La confession sacramentelle dans l'egl. pr. pp. 8—9, 1 note, pp. 10, 14*), что должность покаяннаго пресвитера существовала въ Малой Азіи, гдѣ онъ назывался „экономъ покаянія“. Исслѣдователь основывается главнымъ образомъ на 7 правилѣ Григорія Нис., гдѣ упоминается терминъ *οἰκονόμος* въ приложеніи къ совершителю покаянія. Но всего вѣроятнѣе этимъ терминомъ здѣсь описательно называется епископъ, какъ совершитель покаянія.

пресвитеръ получалъ свое полномочіе отъ епископа, который поставлялъ его на должность, такъ и духовникъ, по представленію канонистовъ XII в. обладавшій саномъ священника, совершалъ таинство покаянія по особому поручительству епископа, которое обычно выражалось тогда специальной грамотой. Очень можетъ быть, что упраздненная должность покаяннаго пресвитера для греческихъ канонистовъ и послужила выясненію права епископскаго полномочія пресвитеру-духовнику на употребленіе апостольской власти вязать и рѣшить. Но утверждать, что между институтомъ покаяннаго пресвитера и позднѣйшимъ институтомъ духовника существуетъ связь генетическая, никакъ нельзя. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что институтъ покаяннаго пресвитера продержался до XII стол., когда окончательно сформировался институтъ духовника, что онъ распространился въ церквахъ Востока и что духовными отцами или духовниками стали называться именно покаянные пресвитеры. Прежде всего различаются термины, обозначающіе тотъ и другой институтъ: *ὁ ἐπὶ τῆς μετανοίας πρεσβύτερος* и *ὁ πνευματικὸς πατήρ*. Различіе важно и само по себѣ: игнорировать его нельзя и будетъ ошибкой называть пресвитера для покаянія пресвитеромъ-духовникомъ, а еще большей—исповѣдающихся у него дѣтьми духовными. Но это обстоятельство важнѣе съ другой стороны: съ этими терминами соединяются совершенно несходныя понятія. Въ терминахъ, обозначающихъ должность покаяннаго пресвитера: *ὁ ἐπὶ τῆς μετανοίας πρεσβύτερος*—пресвитеръ для покаянія или *ὁ ἐπὶ τῶν μετανοούντων τεταγμένος πρεσβύτερος*—пресвитеръ, установленный для кающихся, пресвитеръ надъ кающимися, указывается на полномочіе данное епископомъ по покаяннымъ дѣламъ нѣкоторымъ изъ подчиненныхъ пресвитеровъ. Въ этихъ терминахъ указана и священная степень, дававшая возможность извѣстному лицу занять эту должность, и сфера вѣдѣнія, предоставленная ей по распоряженію высшей церковной власти. Въ терминѣ же *ὁ πνευματικὸς πατήρ*—духовный отецъ—въ соотвѣтствіи съ которымъ встрѣчается терминъ *ὁ πνευματικὸς υἱός*—духовный сынъ,—нѣтъ мысли ни о епископскомъ полномочіи, ни о священномъ санѣ лица; здѣсь отмѣчается только характеръ взаимныхъ отношеній между духовникомъ и принимаемыми имъ на исповѣдь. Отношенія эти

правственные: духовно-отеческія съ одной стороны, духовно-сыновнія съ другой. А эта черта какъ разъ отсутствуетъ въ разобранномъ выше терминѣ, обозначающемъ покаяннаго пресвитера,—и не даромъ: на такія отношенія нѣтъ ни одного указанія въ свидѣтельствахъ историковъ. Скорѣе покаянный пресвитеръ представляется чиновникомъ, несшимъ извѣстную церковно-административную службу, и ужъ это препятствовало личнымъ духовно-нравственнымъ отношеніямъ къ кающимся. А кромѣ того самый характеръ его службы церковно-судебный шелъ въ разрѣзъ съ званіемъ духовнаго отца. Ни откуда не видно, чтобы онъ былъ пастыремъ, самоотверженно разыскивающимъ заблудшую овцу, отцомъ, прощающимъ блуднаго сына. Былъ онъ представитель не пастырскаго попеченія и всепрощающаго милосердія, а прежде всего и главнымъ образомъ карающей правды и суда, хотя разумѣется и въ древней покаянной дисциплинѣ существовала пастырская тенденція.—Кромѣ системы нравственныхъ отношеній между духовнымъ отцомъ и дѣтьми духовными предполагались отношенія мистическія: рожденіе по духу и наслѣдованіе благодатныхъ даровъ отца дѣтьми. Ничего подобнаго опять таки не видать въ институтѣ покаяннаго пресвитера. Покаянный пресвитеръ является органомъ судебно-административнымъ по преимуществу; духовный же отецъ явленіе бытовое созданное не распоряженіемъ власти церковной, а потребностью церковно-общественной жизни и вмѣстѣ пастырской дѣятельностью древняго монашества ¹⁾).

Должность покаяннаго пресвитера была упразднена въ Константинополѣ въ концѣ IV в. и извѣстія о ней пропадаютъ послѣ того; институтъ духовника сложился не ранѣе XII стол. Спрашивается, *кто былъ посредствующимъ звеномъ между этими органами покаянія*. Вопросъ этотъ далеко не

¹⁾ Карлъ Голль помѣщаетъ покаяннаго пресвитера какъ посредствующее звено между руководителемъ и духовнымъ врачомъ Оригена и Климента съ одной стороны, съ другой между монастырскимъ старцемъ, „духовнымъ отцемъ“. Мы не раздѣляемъ этого воззрѣнія, признавая покаяннаго пресвитера явленіемъ совершенно другого порядка. Это подмѣтилъ отчасти и *abb. Вахандаръ*, *Le traitement des peccata leviora* l. c. 460 p. Духовный „врачъ Оригена, говоритъ онъ, есть покаянный пресвитеръ, признанный официально съ специальными атрибутами. Это руководитель выбранный, самимъ кающимся“.

выясненъ въ наукѣ. Затрудненія происходятъ отъ того, что нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о каноническихъ нормахъ—общецерковныхъ или мѣстныхъ¹⁾. Нормы эти приходится устанавливать на основаніи отрывочныхъ и притомъ малочисленныхъ фактическихъ данныхъ. Покойный профессоръ А. С. Павловъ *преемниками покаяннаго пресвитера считалъ приходскихъ священниковъ*. Теорію проф. Павлова можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1. Послѣ упраздненія должности покаяннаго пресвитера всѣ его обязанности снова перешли къ епископамъ. 2. По обстоятельствамъ времени и вслѣдствіе умноженія служебныхъ обязанностей епископы не могли поддерживать во всей строгости древнюю покаянную дисциплину и лично исполнять обязанности, налагаемые властью вязать и рѣшить. 3. Органомъ покаянной дисциплины и исповѣди являются теперь духовники, имѣющие непремѣнно священный санъ пресвитера. 4. Епископы отдавали каждому епитимейца, несшаго публичное покаяніе, подъ надзоръ его приходскаго священника, обязывая послѣдняго доносить о нравственномъ состояніи его, чтобы сообразно съ этимъ измѣнять сроки епитиміи. 5. На судѣ тайной исповѣди, назначая тайныя епитиміи, духовники проявляли такую же власть, какую епископы въ сферѣ формальнаго публичнаго суда. 6. „Такъ устранялась граница, отдѣлявшая публичныя церковныя покаянія, налагаемые формальнымъ судомъ епископовъ, отъ тайныхъ епитимій, назначаемыхъ тайнымъ судомъ духовника“ (кажется, надо понимать, граница устранялась объединеніемъ обѣихъ функций въ лицѣ одного органа—духовника). 7. Составляются епитимейныя правила (разумѣется правило Іоанна Постника появившееся по мнѣнію Павлова ранѣе Трулльскаго собора 692 г.), какъ руководство для духовниковъ, въ вѣдѣніе которыхъ послѣ покаяннаго пресвитера перешла тайная исповѣдь и соединенная съ нею особая дисциплина церковныхъ покаяній²⁾.

1) Правда 102 канонъ Трулльскаго собора касается покаянной дисциплины на Востокѣ въ к. VII в. и имѣетъ большое значеніе. Но смыслъ его до такой степени спорный, что опираться на этотъ канонъ рѣшительно нельзя.

2) „Само собою понятно, что послѣ упраздненія этой должности (покаяннаго пресвитера) всѣ соединенныя съ нею обязанности снова перешли къ епи-

Профессоръ Суворовъ подвергаетъ эти положенія покойнаго ученаго серьезной критикѣ. 1. Онъ считаетъ неяснымъ, какъ совершился переходъ наслѣдства отъ покаяннаго пресвитера къ приходскимъ священникамъ-духовникамъ. Если въ публичномъ покаяніи, производимомъ самими епископами,

скопамъ. Понятно также, что епископы V и слѣдующихъ столѣтій, при многосложности своихъ занятій по церковному управленію, при многолюдности своихъ паствъ, а главное—при несомнѣнномъ пониженіи уровня общественной нравственности и при болѣе легкомъ отношеніи христіанъ къ исполненію своихъ церковныхъ обязанностей, не могли уже ни соблюдать во всей строгости прежнія правила о церковныхъ покаяніяхъ, ни тѣмъ менѣе принимать на тайную исповѣдь всѣхъ, кто желалъ бы такимъ образомъ очистить свою душу отъ грѣховъ мысли и дѣла, если послѣдніе оставались извѣстными только самому совершителю. Отсюда по необходимости должно быть произойти два послѣдствія: во-первыхъ ослабленіе прежней строгости публичныхъ покаяній за явные грѣхи, бывшіе предметомъ открытаго формальнаго церковнаго суда (т. е. болѣе или менѣе значительное сокращеніе сроковъ этихъ покаяній), и во-вторыхъ, образованіе въ томъ же духѣ и направленіи, новыхъ епитимійныхъ правилъ, назначенныхъ собственно для практики духовниковъ, въ вѣдѣніе которыхъ перешла отъ прежнихъ покаянныхъ пресвитеровъ тайная исповѣдь и соединенная съ нею особая дисциплина церковныхъ покаяній. Оба эти явленія, какъ результатъ одной и той-же причины и выраженіе одного и того же взгляда на конечную цѣль всѣхъ церковныхъ наказаній, выступаютъ въ исторіи нераздѣльно и вліяютъ одно на другое“ (Номоканонъ при большомъ требникѣ. Новое изданіе М. 1897, стр. 17—18). „Вполнѣ естественно, даже исторически необходимо допустить, пишетъ Павловъ въ другомъ мѣстѣ, что по упраздненіи должности покаяннаго пресвитера епископы и прежде и послѣ Трульскаго собора, не имѣя возможности самолично наблюдать за всѣми преданными публичному церковному покаянію, отдавали каждаго епитимійца подъ надзоръ его приходскаго священника, съ тѣмъ, чтобы послѣдній свидѣтельствовалъ о нравственномъ состояніи кающагося. и въ случаѣ благопріятнаго объ немъ свидѣтельства, сокращали первоначально назначенный срокъ епитиміи. Такъ устранялась граница, отдѣлявшая публичные церковныя покаянія, налагаемые формальнымъ судомъ епископовъ, отъ тайныхъ епитимій, назначаемыхъ тайнымъ судомъ духовника“ (*Тамъ же*, стр. 27 прим. 3). „Во времена Трульскаго собора носителями духовной власти вѣзати и рѣшити несомнѣнно были и признавались только лица, имѣвшія священныя санъ, т. е. епископы дѣйствовавшіе этою властію въ области внѣшняго формальнаго суда церкви и пресвитеры — духовники, проявлявшіе ту же власть на тайномъ судѣ исповѣди. Само собою понятно, что кругъ дѣятельности послѣднихъ былъ гораздо обширнѣе, т. е. обнималъ большее число лицъ и случаевъ, по отношенію къ которымъ необходима была благодатная помощь, подаваемая согрѣшающимъ въ таинствѣ покаянія“. (*Тамъ же*, стр. 478—497).

ихъ роль ограничивалась однимъ надзоромъ, если съ другой стороны приходскіе священники имѣли право вязать и рѣшать въ тайной исповѣди, то непонятно, какъ „устранялась граница, отдѣлявшая публичное церковное покаяніе отъ тайныхъ епитимій“. Граница обозначалась явственно: въ послѣднемъ случаѣ священникъ дѣйствовалъ самостоятельно, въ первомъ, онъ только наблюдалъ и свидѣтельствовалъ для епископа. А такъ какъ въ древности публичному покаянію придавалась сакраментальная сила, то поэтому приходскій священникъ въ отношеніи къ одному и тому же таинству долженъ былъ занять неодинаковое положеніе. 2. Если руководство для духовниковъ назначено этимъ преемникамъ покаяннаго пресвитера, то почему оно не явилось вскорѣ послѣ его упраздненія; почему оно явилось въ монашеской средѣ, какъ произведеніе монаха, не обнаружившаго, что онъ имѣетъ въ виду приходскую жизнь? 3. Неизвѣстно, какъ передавалось епископами полномочіе приходскимъ священникамъ на исповѣдь—всѣ или не всѣ они получали это полномочіе. Если всѣ, то когда и почему прекратился этотъ порядокъ, неизвѣстный даже канонистамъ XII в., которые за приходскими священниками, не получившими архіерейскаго полномочія, прямо отрицали право разрѣшать отъ грѣховъ? Если не всѣ, то почему отъ древности не сохранилось объ этомъ свидѣтельствъ, а сохранившіяся данныя XII в. производятъ такое впечатлѣніе, что порядокъ уполномоченія черезъ грамоту вводился только вновь? 4. Наконецъ проф. Суворовъ дѣлаетъ историческую справку, доказывающую, что въ эпоху Трулльскаго собора приходскій строй не былъ организованъ: не было обособленныхъ приходовъ съ обособленными группами прихожанъ, какъ членовъ приходскаго общества, съ обособленнымъ религіознымъ центромъ для этого общества—приходскимъ храмомъ и съ особымъ приходскимъ духовенствомъ, которое посвящалось и опредѣлялось къ данному приходскому храму для удовлетворенія религіозныхъ потребностей прихожанъ, въ томъ числѣ и для принятія отъ нихъ исповѣди, какъ это повидимому предполагалъ проф. Павловъ.

Гдѣ же слѣдуетъ искать по мнѣнію проф. Суворова преемниковъ покаяннаго пресвитера? Онъ ихъ ищетъ въ монастыряхъ. Исповѣдь предъ монахами, людьми опытными въ

духовной жизни независимо отъ того, имѣли они священ-
ный санъ или нѣтъ,—такая исповѣдь, какъ явленіе цер-
ковно-бытовое, замѣнила исповѣдь церковную, сакрамен-
тальную. Какъ понимали эту исповѣдь міряне, ходившіе
къ монахамъ, неизвѣстно; приписывали ли себѣ вяжущую
и рѣшающую власть сами монахи или, точнѣе, съ какого
времени они стали приписывать ее, тоже неизвѣстно ¹⁾
Достовернымъ можно признать, что побывавъ на исповѣди
у монаха, вѣрующій уже не искалъ церковной исповѣди ²⁾.
Косвенное доказательство этого ученый находитъ въ ис-
торіи западной церкви, гдѣ въ началѣ VII в. на рим-
скомъ соборѣ вопреки жалобѣ бѣлаго духовенства, что мо-
нахи не достойны священнической власти и потому не мо-
гутъ быть духовниками, исповѣдь предъ монахами-священ-
никами включена была въ церковно-правительственный по-
рядокъ. На Востокъ не было такого протеста бѣлаго духо-
венства, именно потому, что оно не получало „ни общаго, ни
особеннаго полномочія на принятіе тайной исповѣди въ тай-
ныхъ грѣхахъ, не смотрѣло на это дѣло, какъ на принадле-
жащее къ кругу его должностной дѣятельности“ ³⁾. „Наука
въ настоящее время не располагаетъ никакими твердыми
историческими данными для доказательства того, чтобы въ
періодъ времени отъ паденія публичнаго церковнаго покая-
нія до IX в. исповѣдь совершалась передъ пресвитерами, а
напротивъ есть историческія данныя, указывающія на суще-
ствованіе монастырской исповѣди и исповѣди передъ мона-
хами“ ⁴⁾. „Во время Трулльскаго собора духовниками обыкно-
венно были монахи не имѣвшіе священнаго сана. Къ нимъ
обращались какъ къ людямъ опытнымъ въ духовной жизни,
независимо оттого, имѣли ли они священный санъ или

¹⁾ Читатель уже знаетъ (см. *Бог. Вѣстн.* 1905, апр. 767 — 769. „Испо-
вѣдь и покаяніе въ древнихъ монастыряхъ Востока“), что въ средѣ вос-
точнаго монашества стала высказываться мысль о старческомъ правѣ
вязать и рѣшить съ полов. VI в.

²⁾ О зап. влияніи стр. 122. Къ вопр. о Номок. 73—82. Ср. Объемъ дисц.
суда 111 слѣд. Къ вопр. о тайной исп. и духовникахъ, 53 и 54. Вопросъ
о Номок. Іоанна Постн., 81—82.

³⁾ Вопросъ о Номок. I. Постн. 92, 96.

⁴⁾ Къ вопр. о тайн. исп. 187 стр. прим. Приведенныя слова напечатаны
курсивомъ.

нѣтъ. Исповѣдь предъ монахами была церковно-бытовымъ явленіемъ, которое однако не было регулировано церковнымъ законодательствомъ и церковнымъ правительствомъ. Для монаховъ она была обязательна, для мірянъ нѣтъ. Міряне являлись къ чтимымъ подвижникамъ не потому, что ихъ считали носителями власти вязать и рѣшить, а какъ добровольные пациенты, желавшіе найти себѣ душевное упокоеніе. Значеніе монаховъ въ дѣлѣ исповѣди мірянъ особенно усилилось въ эпоху иконоборчества“. „Авторитетъ священства, заявляетъ ученый въ одной изъ послѣднихъ работъ своихъ,—какъ единственно уполномоченнаго къ разрѣшенію отъ грѣховъ, выяснился (на Востокѣ) лишь къ XII вѣку“ ¹⁾.

Мы не склонны продолжать полемику по этому темному пока вопросу (хотя наше рѣшеніе вопроса будетъ ясно изъ послѣдующаго изложенія). Намъ кажется, было бы болѣе плодотворнымъ искать новыхъ данныхъ въ древней христіанской письменности, нежели ухищряться въ толкованіи на всѣ лады старыхъ. Проф. Алмазовъ, извѣстный своимъ капитальнымъ историко-литургическимъ трудомъ, общалъ такой очеркъ о духовникахъ въ православной восточной церкви и былъ намѣренъ привести многочисленныя свидѣтельства, въ которыхъ право выслушивать исповѣдь усвоивается собственно іерархическимъ лицамъ, преимущественно священнику“ ²⁾. Читатель легко пойметъ наше сожалѣніе, что это обѣщаніе почтеннаго ученаго до сихъ поръ не выполнено. Но и изъ приведенныхъ его строкъ можно видѣть, къ какому выводу привели ученаго добытыя имъ данныя, къ чьей теоріи онъ ближе—Суворова или Павлова. Они подтверждаютъ взглядъ послѣдняго, что право выслушивать исповѣдь усвоился въ рассматриваемое нами время лицамъ іерархическимъ, преимущественно священнику, и что фактическими совершителями сакраментальной исповѣди въ періодъ вселенскихъ соборовъ были преимущественно пресвитеры.

Но имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя не даютъ

¹⁾ Къ вопр. о зап. вліяніи 126 и 130.

²⁾ Вѣроятный составъ др. покаян. попок., *Виз. Вр.* 1904, I, 45.

³⁾ Тайная исп., I, стр. 53 и прим. 128.

намъ права остановиться на этомъ выводѣ почтеннаго ученаго.

Кто принималъ тайную исповѣдь вѣрующихъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ? Тѣ извѣстія, которыя мы имѣемъ на этотъ счетъ, *совершителями тайной исповѣди называютъ епископовъ*. Отсюда положеніе проф. Павлова, что епископы осуществляли свою власть вязать и рѣшить только въ области внѣшняго, формальнаго суда церкви, надо признать совершенно произвольнымъ ¹⁾. Тайную исповѣдь они не совершали, утверждаетъ Павловъ, духовниками мірянъ не были. Почтенный ученый приводитъ въ защиту своего положенія и косвенныя соображенія. „Епископы и безъ того обременены были множествомъ церковно-административныхъ дѣлъ, которыя не позволяли имъ самимъ быть духовниками *всѣхъ* своихъ пасомыхъ, хотя конечно *всѣ* нуждались въ благодатной помощи, подаваемой вѣрующимъ въ таинствѣ покаянія“ ²⁾. Однако соображенія эти, отчасти справедливыя, нуждаются въ подтвержденіи, а документальныя данныя показываютъ, что не смотря ни на что вразумленіе падшихъ находилось обычно въ рукахъ епископовъ, которые наблюдали какъ за великими такъ и за малыми грѣхами пасомыхъ. Носитель власти ключей епископъ непосредственно и осуществлялъ эту власть.

Василій Великій пишетъ въ толкованіи на X гл. 19 ст. пророка Исаи: „предстоятелямъ церкви повѣряются согрѣшившими сокровенныя поступки, для коихъ нѣтъ иного свидѣтеля, кромѣ Испытающаго тайны каждого“ ³⁾. Такимъ образомъ св. отецъ признаетъ дѣломъ обычнымъ тайную исповѣдь, приносимую предстоятелямъ церкви, т. е. епископамъ ⁴⁾.

¹⁾ Номок. при Б. Треб., нов. изд., 26 — 27 стр., прим. Самая идея внѣшняго формальнаго суда церкви въ отличіе отъ внутренняго суда на тайной исповѣди — чисто католическая (*forum externum* и *forum internum*) и притомъ довольно поздняя. *Сѣворозъ*, О перк. наказ. 81, ср. Вопр. о Номок. Іоанна Постя. 75—76.

²⁾ Номок. при Б. Треб., нов. изд., 471.

³⁾ *...προστίθας ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ... πιστεύουσαι παρὰ τῶν ἱεραρχούντων τὰ ἀποκρύτα, ὧν οὐδεὶς μάρτυς εἰ μὴ, ὁ τὰ κρυπτά ἐκάστον διερευνώμενος. Migne, P. G. XXX, 518; р. п. II, 280. Ниже встрѣчается терминъ „очищеніе покаянія“, показывающій, что дѣло идетъ именно о тайной исповѣди.*

⁴⁾ Тайную исповѣдь, соединенную обычно съ публичнымъ покаяніемъ.

Въ 4 бес. о Лазарѣ Златоустъ говоритъ: „Не принуждаю я тебя выступать какъ бы на театральную сцену, въ присутствіи многихъ свидѣтелей: мнѣ одному Расскажи свои тайные грѣхи, чтобы я излѣчилъ рану и избавилъ тебя отъ болѣзни“¹⁾.

Въ житіи св. Іоанна Милостиваго, патр. Александрійскаго²⁾.

а для „женъ прелюбодѣйствовавшихъ“ какъ исключеніе—съ тайнымъ, предполагаетъ 34 канонъ *Василія Вел.* Но такъ какъ совершитель такой исповѣди грѣшныхъ женщинъ здѣсь не называется, то надо думать, что это былъ епископъ, обычный совершитель покаянія въ древней церкви.—147 *Каро. правило* предполагаетъ случай, (а можетъ быть и описываетъ дѣйствительное происшествіе, какъ думаетъ Вальсамонъ), когда пасомый, исповѣдавшій грѣхъ наединѣ епископу, послѣ того отречется отъ своего признанія: „епископъ глаголетъ, яко нѣкто ему одному исповѣдалъ свое преступленіе“ (*τινα αὐτῷ μόνῳ τὸ ἴδιον ἔγκλημα ὁμολογεῖσαι*). Ясно, что и на Западѣ на ряду съ публичной исповѣдью епископы принимали и частную.

1) Р. п. Твореній Златоуста при Спб. Д. Акад. т. XI, стр. Точно неизвѣстно время произнесенія бесѣды Златоуста о Лазарѣ. Однако изъ обвиненія, предъявленнаго великому святителю его врагами на соборѣ „при дубѣ“ (*Mansi, Conciliorum collectio*, III, p. 1145) ясно, что приглашеніе къ тайнымъ грѣшникамъ исповѣдаться ему грѣхи свои, Златоустъ заявлялъ, будучи уже архіепископомъ Константинополя.

Епископы имѣли дѣло не съ одними тяжкими грѣхами, но и съ малыми, и завѣдывали покаяніемъ грѣшниковъ. Исидоръ Пелусіотъ въ числѣ обязанностей епископа упоминаетъ между прочимъ „вразумленіе падшихъ“ и даетъ наставленіе епископу (Алфію), какъ обращаться съ согрѣшившими не только великими грѣхами, но и малыми. „Касательно малыхъ грѣховъ, если согрѣшающіе втайнѣ исправляются, надлежитъ показывать видъ, что ихъ и не знаешь; если же обращаются на худшее, послѣ обличенія и умѣреннаго наказанія давать прощеніе; но когда грѣхи велики, употреблять его (прощеніе) бережливѣе, уцѣломудривать согрѣшающихъ и отлученіемъ и запрещеніемъ, пока не покаются, и тогда уже принимать. *Migne, P. G. LXXVIII, 1509 (lib. V ep. 296); p. n. III, 330. Χρὲ ἐπὶ μεν τοῖς μικροῖς ἀμαρτήμασιν, εἰ μεν λανθάνοντε ζητιοῦνται, μηδὲ εἰδέναι προβλεῖσθαι· εἰ δὲ εἰς τὸ χεῖρον τρέπονται, μετὰ τὸν ἔλεγχον καὶ τὴν μετρίαν ἐπιτίμην, συγγνώμην νέμειν, ἐπὶ δὲ τοῖς μεγάλαις ταύτην ταμιεύεσθαι καὶ σφοδρὸν εἶναι τοὺς πταίοντας, καὶ ἀρρομὴ καὶ ἐπιτίμις, ὥς ἂν μετανοήσωσι, καὶ τότε προσιεσθαι*

2) Іоаннъ Милостивый скончался около 620 г. Житіе его, извѣстное въ настоящее время, написано Леонтіемъ, еп. Неаполя Кипрскаго (между 590—669 гг.) „немного спустя послѣ кончины святаго“. *Krumpholtz, Geschichte d. Byz. L. 2 Aufl., SS., 190—192; Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, 2-е изд. II, 466—467.* Издано проф. *Гельцеровъ, Leontios von Neapolis Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien, freiburg 1893.* Въ древнемъ славянскомъ переводѣ помѣщ. въ *Великихъ Минеяхъ Четьихъ*, изд. Археогр. Комм., подъ 12 ноября.

встрѣчается такой разсказъ. Одна женщина совершила тяжкій и позорный тайный грѣхъ. Мучимая совѣстью она явилась къ святому патріарху и просила разрѣшенія. Тотъ ей сказалъ: „жена! если ты вѣруешь Богу, что ради моего окаянства Онъ проститъ тебѣ грѣхъ, о которомъ ты думаешь, то исповѣдай его мнѣ“. Но грѣшница стыдилась выговорить грѣхъ свой и патріархъ посовѣтывалъ написать его. Женщина согласилась написать грѣхъ, запечатать писаніе, но взяла съ св. Іоанна слово, что онъ не станетъ читать написаннаго самъ и никому не покажетъ. Вскорѣ патріархъ скончался и женщина, опасаясь разглашенія своей тайны, долго молилась къ почившему, чтобы онъ указалъ ей мѣсто, гдѣ находится ея писаніе. Тогда св. Іоаннъ въ видѣніи явился женщинѣ и возвратилъ ей нераспечатанной ея грамоту. На грамотѣ женщина прочла теперь такія слова: „Іоанна ради, раба моего, очищенъ грѣхъ твой“ ¹⁾. Въ этомъ разсказѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на приглашеніе патріарха женщинѣ исповѣдать ему грѣхъ свой. Онъ не посылаетъ грѣшницу, ищущую разрѣшенія отъ страшной вины, къ пресвитеру, а готовъ выслушать и разрѣшить ее самъ, готовъ лично совершить надъ нею таинство покаянія, принявъ ея тайную исповѣдь. Чудесная обстановка происшествія, можетъ быть рѣдкая тяжесть или необычность грѣха, потребовавшая и необычнаго средства очищенія, — ослабляютъ значеніе приведеннаго свидѣтельства. Но оно получаетъ всю силу во-первыхъ при сопоставленіи съ приведенными показаніями двухъ великихъ отцевъ церкви, особенно Василія Великаго, дающаго знать 34 правиломъ о тайной исповѣди женщинъ, а во-вторыхъ изъ послѣдующаго времени.

Изъ одного письма Θεодора Студита (рѣчь объ этомъ письмѣ будетъ ниже) видно, что въ его время покаяніе совершали „іерархи, священники, монахи и игумены“ (*ιεράρχαι καὶ ἱερόμενοι, μοναχοὶ καὶ καθ' ἑαυτοὺς*) ²⁾. Но въ вѣкъ преп. Θεодора Студита уже не было публичной исповѣди. Значитъ епископы принимали исповѣдь тайную. Въ качествѣ иллюстраціи къ этому извѣстію можно привести пока-

¹⁾ Helzer, I. с. *Великія Ч. Минеи*, 876—878.

²⁾ *Migne*, P. G. XCIX, 1505. Lib. II, ep. 162 Θεодору монаху; р. п. II, 411.

заніе житія современника Студита патр. Никифора (806—815). Свергнутый съ кафедры въ прощальной молитвѣ своей къ Богу въ храмѣ Софїи патріархъ говоритъ: (я) „привелъ къ Тебѣ многихъ сыновей и наслѣдниковъ чрезъ честную купель его (храма),—возвратилъ Твоей благоутробной милости безчисленное множество чрезъ чистосердечное раскаяніе“ ¹⁾. Изъ словъ патріарха слѣдуетъ, что его покаянная практика была обширна. Наконецъ отъ IX—XII стол. положительно извѣстно о совершеніи тайной исповѣди восточными епископами, митрополитами и патріархами ²⁾.

Слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что данныя о тайной исповѣди, совершавшейся епископами въ періодѣ вселенскихъ соборовъ, скудны и не позволяютъ дѣлать никакихъ заключеній относительно характера самой исповѣди. Была ли въ этомъ случаѣ тайная исповѣдь актомъ, только замѣнявшимъ исповѣдь публичную, и присоединявшимся къ системѣ публичнаго покаянія, за которымъ слѣдовало разрѣшеніе, какъ это можно наблюдать въ практикѣ покаяннаго пресвитера, или она носила характеръ позднѣйшей дисциплины тайной исповѣди, какъ акта самостоятельнаго, сопровождаемаго немедленнымъ разрѣшеніемъ и тайными епитиміями. Разумѣется, если бы можно было доказать или по крайней мѣрѣ предполагать съ увѣренностью послѣднее ³⁾, тогда значеніе епископской тайной исповѣди въ исторіи покаянной дисциплины было бы очень велико. Если же, имѣя въ виду господствующій характеръ покаянной дисциплины публичный (начиная съ исповѣди, кончая примиреніемъ съ церковію), тайную исповѣдь, совершаемую древними епископами, мы признаемъ лишь замѣной публичнаго въ первомъ моментѣ покаяннаго процесса, то значеніе тайной исповѣди будетъ гораздо скромнѣе: она не означала новой системы покаянной практики подобно тому, какъ и тайная исповѣдь, совершавшаяся покаяннымъ пресвитеромъ.

Итакъ естественными совершителями таинства покаянія

¹⁾ Творенія св. Никифора Испов. ч. I, 66 стр. Житіе Никиф. гл. 70.

²⁾ Рѣчь объ этомъ во II части нашего изслѣдованія.

³⁾ Указаніе на тайную исповѣдь и тайныя епитиміи можно находить въ одномъ правилѣ патр. Никифора (пр. 10 *Pitra*, Juris ec. gr. hist. et. mon. 325), но правило говоритъ о разрѣшеніи послѣ перенесенія епитиміи; къ тому же вопросъ о подлинности этихъ правилъ нельзя считать рѣшеннымъ.

на Востокъ въ изучаемое время и при тайной формѣ исповѣди оставались епископы. Но съ другой стороны въ періодъ вселенскихъ соборовъ мы встрѣчаемся съ рядомъ извѣстныхъ фактовъ, показывающихъ, что совершителями таинства покаянія на Востокъ бывали и пресвитеры.

Прежде всего напомнимъ читателю сказанное раньше, что въ древнѣйшихъ монастыряхъ Египта, пока въ нихъ держалась публичная исповѣдь, ея совершителями являлись пресвитеры. Они принимали исповѣдь какъ добровольную такъ и вынужденную, налагали епитиміи, даже публичныя, сами давали и разрѣшеніе ¹⁾. Къ сожалѣнію мы совершенно не знаемъ, въ какомъ отношеніи стояли эти пресвитеры къ епископамъ, единственнымъ носителямъ права вязать и рѣшить, — имѣли ли они общее, генеральное поручительство на принятіе исповѣди монашествующей братіи, или поручительство носило частный характеръ и давалось въ каждомъ случаѣ нужды особо, или наконецъ (что трудно допустимо) въ этихъ случаяхъ пресвитеры выступали самостоятельно. Да если-бы и извѣстно было это, здѣсь бы мы имѣли свѣдѣніе только о пресвитерахъ, совершителяхъ сокраментальной исповѣди въ монастырѣ, но не въ мірской церкви. Покаянная дисциплина тамъ и здѣсь, какъ извѣстно, была неодинакова.

Однако факты совершенія исповѣди и покаянія пресвитерами извѣстны и изъ исторіи мірской церкви. Это подтверждается рядомъ свидѣтельствъ ²⁾.

1. Преп. Нилъ Синайскій († 450 г.), ученикъ Златоуста, въ своемъ посланіи пресвитеру Хариклію обличаетъ его за строгость въ обхожденіи съ падшими. „Какъ смѣешь ты, спрашиваетъ Нилъ Хариклія, губить человѣка, за котораго Хри-

¹⁾ См. „Исповѣдь и пок. въ др. монастыряхъ Востока“. Б. В. февр. 1905 г. 366, 380—382.

²⁾ Здѣсь мы приводимъ данныя, только ясно доказывающія положеніе. Вотъ почему не повторяемъ извѣстій, приводимыхъ проф. Заозерскимъ (Прав. Об. 1885, I, 246—264) и опровергаемыхъ Суворовымъ (Къ вопросу о тайной испов., 6—48), приводимыхъ проф. Павловымъ (Номок. при Б. Тр. иов. изд. 472—474), въ Догмат. Богословіи преосв. Макарія т. IV' Спб. 1852, 246 стр., прим. 672. Считаемъ непосильнымъ для себя выбрать изъ письменности періода вселенскихъ соборовъ всѣ свидѣтельства о совершеніи покаянія пресвитерами, приводимъ извѣстія лишь въ качествѣ примѣровъ, которые во всякомъ случаѣ доказываютъ высказанное положеніе.

стось нимаго не отрекался отдать душу свою? Почему Фавстина, съ великимъ смиреніемъ всенародно исповѣдаваго прегрѣшенія свои, стараешься погрузить во многую скорбь, чего не захотѣлъ бы сдѣлать и великій Павелъ“ относительно коринѣскаго кровосмѣсника (*πὼς τῇ περισσοτέρᾳ λύπῃ καταποτίσαι βλουδάξεις Φαύστινον, δημοσίᾳ ἐξομολογούμενον τὰ σφάλματα μετὰ πολλῆς ταπεινώσεως, ὅπερ Παῦλος ὁ μέγας ποιεῖν οὐκ ἔλετο*). Соображеніе, которое приводилъ Хариклій для оправданія своего образа дѣйствія, заключалось въ томъ, „будто бы не пріемлетъ Господь согрѣшившихъ дѣломъ и исповѣдующихся только словомъ“, „не пріемлетъ простыхъ устныхъ выраженій покаянія“ ¹⁾; поэтому, не соглашаясь „принимать покаянія, приносимаго на словахъ“, строгій пресвитеръ требовалъ „исповѣди дѣлами“, „строгаго покаянія“ (*μετάνοια ἀκριβής*), вѣроятно покаянія, установленнаго канонами IV в. Ригоризмъ Хариклія подвижникъ сравниваетъ съ новаціанскимъ сужденіемъ о падшихъ: только новаціане отрицали всякое покаяніе по просвѣщеніи крещеніемъ, а Хариклій не признавалъ покаянія, приносимаго на словахъ. Было ли здѣсь дѣйствительное вліяніе новаціанства, изъ посланія не видно. Вѣроятно нѣтъ, потому что, какъ сейчасъ увидимъ, самъ преп. Нилъ недалеко стоялъ отъ пресвитера Хариклія въ вопросѣ о покаянныхъ подвигахъ: и онъ не придавалъ особаго значенія словесной исповѣди, ставя ее на послѣднемъ мѣстѣ среди другихъ подвиговъ покаянія. „Подлинно прекрасно, пишетъ подвижникъ, и весьма прилично душѣ сильной совершать исповѣдь дѣлами, какъ то постомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на голой землѣ, вретисчемъ, посыпаніемъ на себя пепла, щедрою и радушною милостынею и другими плодами, какихъ требуетъ строгое покаяніе. Но если по маловнимательности или по какому-либо обстоятельству, или по безсилію, или по нерадѣнію, окажется у него великій недостатокъ сказанныхъ выше пособій; то и устной исповѣди не отвергаетъ и не отвращается... Господь Иисусъ, а напротивъ того пріемлетъ и словесное покаяніе“ ²⁾. Далѣе, сопоставляя словесную исповѣдь съ другими видами

¹⁾ *Τοὺς γὰρ ἔργῳ ἁμαρτήσαντας, λόγοις μόνον ἐξομολογούμενους, οὐ προσδέχεται ὁ Κύριος... Φιλὰ ὑψάται ὁ Θεὸς μετάνοιαν οὐ προσδέχεται...*

²⁾ *Τὴν γοῦν διὰ χειλέων ἐξομολόγησιν οὐκ ἀποβάλλεται... ἀλλὰ καὶ ἐν διὰ λόγων μετάνοιαν δέχεται.*

покаянія, онъ сравниваетъ ее съ ничтожными приношеніями бѣдныхъ людей, которыя допускались закономъ Моисеевымъ и принимались Господомъ,—съ даромъ власами козими, ничего не стоющими въ сравненіи съ дорогимъ виссономъ и золотомъ (Исх. XXV, 4),—съ голубемъ, горлицей и малой долей пшеничной муки (Лев. XIV, 21—22), взаимнѣе жертвенныхъ животныхъ,—съ двумя лептами евангельской вдовицы. Изъ всего этого видно, что здѣсь преп. Нилъ Синайскій приближался къ Хариклію въ оцѣнкѣ словесной исповѣди, какъ подвига покаянія, придавая ей *самое малое значеніе* тогда какъ Хариклій не придавалъ ей *никакого значенія*. А различіе его воззрѣнія отъ новаціанской доктрины громадное: новаціане *отрицали всякое покаяніе для примиренія съ церковью*, пресвитеръ Хариклій *отрицалъ только низшій подвигъ покаянія въ формѣ словесной исповѣди*. Заканчивается посланіе такими словами: „и ты, старецъ (*πρεσβύτες*) не уничижай, но паче прими, возлѣлѣй сердце сокрушенное и смиренное, ободри и спаси его, не плодовъ только полныхъ преспѣваніями требуя отъ падшихъ и взыскаю ихъ въ дѣлахъ подвижническихъ, но приѣмля и слова сокрушающихся о грѣхѣ своемъ и съ великимъ смиреніемъ исповѣдующихъ тебѣ содѣянное ими худо“ ¹⁾.

Мы съ намѣреніемъ такъ подробно передаемъ посланіе къ Хариклію, такъ какъ содержащееся въ немъ свидѣтельство объ исповѣди, хорошо извѣстное въ литературѣ, подвергается совершенно несходнымъ толкованіемъ. Проф. Н. А. Заозерскій заявляетъ, что посланіе съ полной ясностію свидѣтельствуєтъ о томъ, насколько обыкновенно пресвитеры времени преп. Нила практиковали вязательную власть на исповѣди.... Въ посланіи нѣтъ и намека на то, чтобы примѣненіе пресвитеромъ вяжущей и рѣшительной власти составляло предметъ сомнѣнія“ ²⁾.

Проф. Н. С. Суворовъ даетъ иное, не совсѣмъ ясное толкованіе всего свидѣтельства. Онъ разсуждаетъ такъ. Въ посланіи не говорится ни слова о власти вязать и рѣшить, не при-

¹⁾ *Migne*, P. G. LXXIX, 496—500, Славянскій перев. въ Кормчей, ч. I, гл. 41, у Ник. Черног. въ 51 словѣ Пандектъ 600 об.—605 об. Далѣе у Ник. есть еще выписка изъ Нила о покаяніи: русскій переводъ въ Твор. Нила Синайскаго при М. Д. Ак. ч. III, 338—344.

²⁾ Прав. Обзор. 1885, I, 260 „Покаяніе и судъ въ древней церкви“.

водится евангельскихъ мѣстъ объ этомъ, что обыкновенно встрѣчается въ статьяхъ о покаяніи. А послѣ ряда соображеній заключаетъ, что невозможно придавать свидѣтельству Нила толкованіе проф. Заозерскаго. Соображенія ученаго слѣдующія. 1) Въ V столѣтіи было много новаціанъ. „Пресвитеръ *можетъ быть* не чуждый новаціанскаго ригоризма, на что *повидимому* указывается въ самомъ посланіи Нила, отказалъ кающемуся грѣшнику въ принятіи въ церковь, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что исповѣди или покаянія на словахъ, хотя бы и публичнаго, недостаточно, что требуется точное покаяніе, установленное канонами IV в.“ 2) Ниль, ученикъ Златоуста, признававшаго главнымъ моментомъ покаяніе искреннее намѣреніе или желаніе кающагося, возмущенъ былъ поступкомъ Хариклія въ отношеніи къ кающемуся добровольно обнаружившему искреннее раскаяніе во грѣхѣ, исповѣдавшемуся публично, хотя и не обязаннаго къ этой исповѣди по существовавшему въ то время церковному порядку. 3) Хариклій, біографія котораго неизвѣстна, былъ *можетъ быть* покаяннымъ пресвитеромъ, должность котораго, упраздненная патріархомъ Нектаріемъ въ Константинополь, не сразу исчезла въ остальныхъ церквахъ Востока. 4) Не невозможно, что раскаявшійся публично грѣшникъ желалъ на ряду съ другими приступить къ евхаристіи и не былъ допущенъ Харикліемъ. Но это должно было показаться слишкомъ суровымъ Нилу, раздѣлявшему воззрѣніе Златоуста, что для допущенія къ евхаристіи и для очищенія грѣха достаточно искренняго раскаянія и исповѣди¹⁾).

Вотъ сужденія ученыхъ по части приведеннаго посланія Нила Синайскаго. Остановимся на соображеніяхъ проф. Суворова. Изъ анализа посланія видѣли мы, что крайне сомнительно, будто Хариклій, отрицавшій самое маловажное средство покаянія (словесную исповѣдь), зараженъ былъ новаціанствомъ, вовсе отрицавшимъ покаяніе, какъ средство примиренія съ церковью. На этомъ не настаиваетъ и проф. Суворовъ, а потому и вся справка его не имѣетъ значенія. *Можетъ быть* ученый желаетъ объяснить ея снисходительность преп. Нила какъ и Златоуста. Но возникаетъ еще вопросъ, были ли Ниль синайскій тѣхъ же воззрѣній на покаяніе, что и Златоустъ. Изъ содержанія разобраннаго посланія мы видѣли,

¹⁾ Къ вопросу о тайной исповѣди, 48—51, стр. 180, прим.

что самъ Нилъ оказывалъ рѣшительное предпочтеніе строгому покаянію, покаяннымъ подвигамъ предъ словесной исповѣдью, которую онъ допускаетъ какбы по снисхожденію къ немощи человѣческой природы. Между тѣмъ Златоустъ словесную исповѣдь едва ли случайно ставитъ на первомъ мѣстѣ среди подвиговъ покаянія. И вообще нельзя назвать удачнымъ приема судить о воззрѣніяхъ преп. Нила по твореніямъ Златоуста, какъ будто отъ него самого ничего не осталось кромѣ разбираемаго посланія да извѣстія, что онъ былъ ученикъ вселенскаго вѣтїи ¹⁾. Далѣе, предположенія, будто Хариклій былъ одинъ изъ покаянныхъ пресвитеровъ, будто Фавстина онъ не допустилъ до евхаристіи, когда тотъ готовился въ церкви приступить къ ней—предположенія эти остаются предположеніями, ни откуда не вытекающими, не имѣющими ни малѣйшаго основанія въ текстѣ посланія преп. Нила. Наконецъ всѣ эти соображенія не могутъ ослабить свидѣтельства самого факта: пресвитеръ Хариклій (по какимъ бы мотивамъ онъ ни дѣйствовалъ) не примирилъ съ

¹⁾ Въ другихъ своихъ посланіяхъ преп. Нилъ не разъ перечисляетъ тѣ же подвиги покаянія, что и въ посланіи къ Хариклію: вѣтїще, пепель, раздраніе одеждъ плачь (Lib. III ep. 43, col. 412; p. п. III, 236), молитвы, посты, плачь, исповѣдь, бѣднѣе, возлежаніе на голой землѣ, слезы и такъ далѣе (Lib. III, ep. 171, col. 464; p. п. III, 300). Однако пресвитеру Андрею подвижникъ пишетъ: „Спасается поникшій не за дѣятельную добродѣтель (*οὐ διὰ πρακτικῆν ἀρετήν*), не за совершеніе божественныхъ дѣлъ, но по Божію человѣколюбію, за сознаніе съ великимъ смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца исповѣдающаго собственныя грѣхопаденія. Такъ поникшій очами спасается покаяніемъ и самымъ глубокимъ сокрушеніемъ“ (Lib. III, ep. 33, col. 393; p. п. III, 217 — 218). Съ сокрушеніемъ должна соединяться исповѣдь: „Содѣлайся обвинителемъ самого себя... и улучшить спасенія. Примемъ и исповѣдь твою и смиренномудріе“ (Lib. II, ep. 303, col. 349; p. п. II, 163). „Богу угодно, чтобы мы подали Ему только малый предлогъ и самъ уже дѣлаетъ все прочее для нашего спасенія... Какой же, скажи мнѣ, трудъ, какая тягость грѣшнику увѣрить себя, что онъ—грѣшникъ и сказать это предъ Богомъ и просить себѣ прощенія“ (Lib. II, ep. 326; col. 360; p. п. II, 176). Въ приведенныхъ текстахъ воззрѣвія преп. Нила на покаяніе не совсѣмъ тѣ, что въ разобранномъ посланіи къ Хариклію. Однако они не противорѣчатъ послѣднему. Вообще воззрѣнія Нила можно представить такъ: съ одной стороны подвижникъ признаетъ нормальными покаянные подвиги, а съ другой такое же важное значеніе придаетъ чувству сокрушенія, нашедшему свое выраженіе въ словесной исповѣди. Значеніе послѣдняго таково, что по мѣрѣ его Господь и даетъ прощеніе.

церковью Фавстина, исповѣдавшего грѣхи свои предъ нимъ даже всенародно. Несомнѣнно, онъ употребилъ здѣсь вяжущую власть (какую же иначе?). Преп. Нилъ Синайскій, порицая неумѣренную строгость Хариклія, совѣтуетъ ему охотно и сострадательно принимать падшихъ, т. е. примѣнять рѣшающую власть (какую же еще?). Что здѣсь нѣтъ прямого упоминанія о власти вязать и рѣшить, нѣтъ текстовъ, это правда. Но изъ этого обстоятельства не слѣдуетъ отвергать тоже несомнѣнной истины, что преп. Нилъ не высказалъ ни малѣйшаго „намека на то, чтобы примѣненіе пресвитеромъ вяжущей и рѣшительной власти составляло предметъ сомнѣнія“, что (—иными словами) онъ ни словомъ не указалъ строгому пресвитеру его некомпетентности въ этомъ отношеніи, что естественно было бы указать, защищая по его мнѣнію несправедливо осужденнаго Фавстина.

Изъ разобраннаго посланія можно заключать, что пресвитеръ Харикліій принималъ падшихъ въ церковь, осуществлялъ право вязать и рѣшить, при этомъ выслушивалъ даже публичную исповѣдь, что въ древней церкви было функціей чисто епископской. Это можетъ свидѣтельствовать объ участіи пресвитеріата V стол. въ покаянной дисциплинѣ, по крайней мѣрѣ—мѣстнаго, къ которому принадлежалъ Харикліій.

Покаяніе грѣшниковъ принимали также пресвитеры Пелусійской церкви. *Исидоръ Пелусіотъ* въ одномъ изъ посланій своихъ къ Зосимѣ, недостойному пресвитеру Пелусійской церкви, обличаетъ его въ слѣдующемъ проступкѣ, который подвижникъ узналъ отъ посторонняго надежнаго свидѣтеля: „взявъ нѣсколько рыбъ у одного нарушившаго клятву, (Зосима) осмѣлился своею властью разрѣшить его отъ грѣха“ ¹⁾. Обличая пресвитера, преп. Исидоръ выясняетъ всю неблаговидность дѣйствій Зосимы. „Нарушителя клятвы разрѣшаетъ отъ вины не то, что ты умиловленъ дарами, а то, что потерпѣвшій обиду отъ нарушенія имъ клятвы получилъ назадъ свою собственность“. Не совѣтуя ради гнуснаго прибытка извращать и перетолковывать божественные глаголы, которые виновнымъ повелѣваютъ самымъ дѣломъ оправдываться предъ обиженными, преп. Исидоръ приводить эти божественные глаголы съ своими ком-

¹⁾ ...ὅτι ἰχθῦς ὀλίγους εἰληφὼς παρὰ τινος ἐπιτορχήσαντος ἀπολύσαι αὐτόν, τοῦτε ἐπὶ σοί, τοῦ ἀμαρτήματος ἐτόλμας.

ментаріями: „ибо сіе: *аще свяжете* сказано о согрѣшающихъ, а сіе: *аще разрѣшите* о пришедшихъ въ раскаяніе (Мѣ. XVIII, 18)... А если думаешь, что освященнымъ дано такое право разрѣшать, когда согрѣшившіе и не стараются загладить согрѣшенія, то постановленіе Божіе окажется самоуправнымъ, имѣющимъ въ виду только выгоду священства, а не обращающимъ вниманіе только на обиженныхъ, да и увѣнчаннныя служеніемъ священства признаны будутъ самыми жестокими и безчеловѣчными, какъ не всѣхъ разрѣшающіе отъ вины... Ужели когда клятвопреступникъ богатъ и приноситъ даръ іерею, разрѣшается, а когда бѣденъ и не приноситъ дара, подлежитъ отвѣтственности?“ Съ силой отвергнувши такое предположеніе, преп. Исидоръ подробно описываетъ моментъ разрѣшенія отъ грѣха, касаясь и самаго апостольскаго права вязать и рѣшить. Онъ выясняетъ настоящую роль іерархическаго лица въ дѣлѣ примиренія грѣшника съ Богомъ, какъ только служителя, ходатая и посредника, а не сообщника, судіи и царя, а далѣе, приведя слова Спасителя—Іоанна, XX, 23,—истолковываетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что Зосима и не можетъ обладать высокимъ даромъ по своему нравственному недостоинству (обстоятельствѣ объ этомъ ниже) ¹⁾.

Безъ всякаго сомнѣнія дѣло здѣсь идетъ о полномочномъ разрѣшеніи отъ грѣха, о правѣ рѣшить, которымъ неумѣстно воспользовался недостойный пресвитеръ Зосима. Неумѣстность заключалась въ томъ, что разрѣшеніе грѣшнику онъ далъ безъ его раскаянія. Грѣхъ клятвопреступника очевидно не составлялъ тайны, такъ какъ здѣсь оказалось пострадавшимъ матеріально постороннее лицо. Но невидно изъ посланія, приносилъ ли клятвопреступникъ публичную или тайную исповѣдь, проходилъ ли вообще покаяніе. Только ясно, что не было тайною то, что побуждало пресвитера разрѣшить нераскаяннаго клятвопреступника,—это подарокъ въ видѣ нѣсколькихъ рыбъ. Замѣчательно, что, возстава противъ незаконности дѣйствій Зосимы, которыя были самостоятельны (*τοῦτε ἐπὶ σοί*), преп. Исидоръ, не указываетъ, что онъ какъ пресвитеръ, не имѣетъ апостольскаго права вязать и рѣшить (которое принадлежитъ епископамъ),

¹⁾ *Migne*, P. G. LXXVIII, 940—944; (Lib. III, 260); p. II, 286—288.

напротивъ онъ останавливается на этомъ правѣ и моментъ разрѣшенія грѣховъ. Къ чему бы это разъяснять Зосимѣ, еслибы преп. Исидоръ видѣлъ вопиющее нарушеніе каноновъ въ самой попыткѣ пресвитера отпустить грѣхъ клятвопреступнику? Ясно, что преп. Исидоръ молчаливо признаетъ за пресвитерами право (если не вполне самостоятельное, то по крайней мѣрѣ по общему поручительству епископа) вязать и рѣшить. Правда, онъ не считаетъ Зосиму обладателемъ этого права, но по другимъ основаніямъ,—не по недостаточности его іерархическаго положенія, а по причинѣ его нравственной негодности.

Тотъ же св. отецъ писалъ пресвитеру Ираклиду, „что увѣщателю (*παραιετής*) надлежитъ не бить, не бранить (согрѣшающихъ), не доходить до рукъ, но обличать только съ дерзновеніемъ, ничего не уважая и не боясь“. Учителю (*διδάσκαλος*) нужно вести только жизнь неукоризненную. Вслѣдъ за тѣмъ преп. Исидоръ опровергаетъ возраженія, которыя предвидѣлъ со стороны пресвитера. Ясно, что пресвитеръ Ираклидъ завѣдывалъ публичнымъ покаяніемъ и обращался съ кающимися слишкомъ круто, нарушая 27 апост. правило ¹⁾.

Сохранилось посланіе объ исповѣди, подписываемое именами—то Іоанна Дамаскина, то Симеона Новаго Богослова, гдѣ устанавливается слѣдующая историческая послѣдовательность въ передачѣ апостольскаго права вязать и рѣшить. Это право, передано, по мнѣнію автора, апостолами только епископамъ, преемствовавшимъ имъ по кафедрамъ. Отъ епископовъ вслѣдствіе развращенія и паденія ихъ перешло къ пресвитерамъ безупречной жизни. Но когда порча коснулась и ихъ, апостольское право перенесено было на избранный народъ Божій,—на монаховъ. Отмѣчено, что въ такомъ представленіи о передачѣ власти ключей содержится грубая догматическая ошибка, будто эта власть была передана апостолами не всѣмъ епископамъ; справедливо отчасти, что здѣсь мы знакомимся не съ дѣйствительными историческими фактами, а только съ представленіями людей о томъ, какъ должны были совершаться эти факты ²⁾. Но то и другое не

¹⁾ Впослѣдствіи того же предмета касалось 9 прав. Двукр. собора.

²⁾ Исследованію этого посланія посвящена книга К. Голя, *Entusias-*

лишаетъ разбираемаго показанія всякой исторической цѣнности. Авторъ, кто бы онъ ни былъ, писавшій въ X или XI стол., самъ ревностный сторонникъ монашеской исповѣди, едва ли не зналъ вѣрно, чьими непосредственными наслѣдниками права вязать и рѣшить являлись иноки—духовники. Онъ могъ ошибаться догматически и исторически, говоря о временахъ давно прошедшихъ, но сказать, что монахи переняли апостольскую власть отъ пресвитеровъ, тогда какъ пресвитеры и не были никогда обыкновенными совершителями исповѣди, едва ли бы онъ былъ въ состояніи. Это была бы чистая выдумка, компрометирующая ту самую мысль, въ защиту которой написано все посланіе. Намъ кажется, изъ него можно сдѣлать такое заключеніе, что въ ближайшую эпоху къ тому времени, когда исповѣдью завладѣли монахи, т. е. къ эпохѣ иконоборческой, фактическими совершителями ея въ церкви были лица преимущественно пресвитерскаго сана, чаще по крайней мѣрѣ, чѣмъ епископы.

Теперь мы можемъ подвести *итоги сказанному* о пресвитерахъ совершителяхъ покаянія и исповѣди въ восточной церкви періода вселенскихъ соборовъ.

Органомъ сакраментальной исповѣди въ церкви того времени былъ епископъ, совершавшій и публичное покаяніе, принимавшій и тайную исповѣдь. Но рядомъ съ нимъ въ качествѣ совершителей покаянія встрѣчаются и пресвитеры. Приведенныя выше извѣстія показываютъ, что какъ въ египетскихъ монастыряхъ IV в., такъ и въ церкви IV, V, VIII и IX вв. пресвитеры принимали публичную исповѣдь, производили публичный судъ по обвиненіямъ въ грѣхахъ явныхъ, подвергали грѣшниковъ епитиміямъ публичнымъ и тайнымъ и слѣдили за ихъ выполненіемъ, разрѣшали отъ грѣховъ, однимъ словомъ осуществляли апостольскую власть вязать и рѣшить. Приведенныя свидѣтельства не даютъ отвѣтовъ на много вопросовъ, вызываемыхъ тѣмъ фактомъ, который ими констатируется. Но это обстоятельство не можетъ говорить противъ самаго факта. Первый вопросъ: Когда совершителями таинства покаянія стали являться пресвитеры, всѣ ли пресвитеры въ силу своего сана получили на это право и

были самостоятельны въ своей практикѣ, или только нѣкоторые избранные, получавшіе полномочіе отъ епископовъ. Болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе однако можно сдѣлать на этотъ счетъ, руководясь косвенными соображеніями. Покаянный пресвитеръ обыкновенно поставлялся епископомъ, слѣдовательно онъ не имѣлъ самостоятельной власти и трактовался какъ епископскій делегатъ. Вообще при ясномъ возрѣніи древней церкви на власть ключей, какъ на принадлежность именно епископскаго сана, самостоятельная покаянная практика пресвитеровъ могла быть только злоупотребленіемъ. Въ X—XII вв. наблюдается на Востокѣ любопытное явленіе, что мірскіе священники не допускаются до духовнической практики церковной власти и рѣшительно не признаются въ качествѣ духовниковъ самими мірянами ¹⁾. Невозможно допустить, чтобы покаянная практика, когда то широкая, могла быть потеряна священниками приблизительно около X стол., еслибы такою она была ранѣе. Если прекращена она административными усиліями высшей власти, то являются вопросы, чѣмъ такая мѣра могла быть вызвана и почему этого крупнаго факта нигдѣ не отмѣчено. Если она умерла естественною смертю и самъ народъ проникая такими симпатіями къ монашеству и обращеніемъ къ клиру, что не шелъ на исповѣдь не только къ бѣлымъ священникамъ, но и къ епископамъ, не имѣвшимъ монашескаго постриженія, то и здѣсь можетъ быть высказанъ рядъ неразрѣшимыхъ недоумѣній. Вѣроятно думать, что самостоятельной покаянной практики, принадлежащей всѣмъ пресвитерамъ, въ церкви періода вселенскихъ соборовъ не существовало. Совершителями покаянія были скорѣе далеко не всѣ пресвитеры, а лишь нѣкоторые, являвшіеся делегатами епископовъ. Но тогда возникаетъ новый и тоже не разрѣшенный вопросъ,—какое это было поручительство: генеральное или общее, которое давалось восточными іерархами по-

¹⁾ „Священникъ мірской, имѣющій жену, не можетъ быть духовникомъ“ (Juris ecclesiast. hist. et mon II, pp. 341—342, пр. 156) говорится въ правилахъ, извѣстныхъ съ именемъ п. Никифора.—Вальсамонъ пишетъ, что „весьма неохотно, позволю даже сказать, нигдѣ никто не открываетъ своихъ помысловъ епископу или священнику, если онъ не монахъ“ Толк. на 6 пр. Каре. Соб. *Ρολλ.* ж. *Ποτλ.*, III, 312 Ср. Толк. на 52 пр. апост. *Ibid.* I, 79 и др. Подробнѣе объ этомъ будетъ во второй части изслѣдованія.

слѣдующаго времени духовникамъ вмѣстѣ съ особой грамотой, или же извѣстный пресвитеръ при епископѣ употреблялся для совершенія покаянія по желанію послѣдняго, когда тому было недосугъ или почему-либо нельзя было примирять самому кающагося съ церковію. Въ этомъ случаѣ согласно съ 6 и 7 прав. Карфагенскаго собора пресвитеръ дѣйствительно ничего не совершалъ безъ воли епископа. Изъ примѣра Пелусійскаго пресвитера Зосимы, разрѣшившаго не раскаяннаго клятвопреступника своею властью, выходить скорѣе, что онъ имѣлъ поручительство общее, генеральное. Но обобщать единичный фактъ, притомъ изъ исторіи такой мѣстной церкви, дисциплина которой завѣдомо была распатана,—въ свидѣтельство для характеристики церковной дисциплины всей восточной церкви за длинный періодъ времени никакъ нельзя. Только выводъ изъ свидѣтельства „послання объ исповѣди“, что пресвитеровъ—совершителей покаянія въ иконоборческую эпоху было сравнительно много, заставляетъ склоняться въ пользу общаго поручительства.

Проф. Павловъ и Алмазовъ, относящіе древнѣйшій чинъ и руководство тайной исповѣди (Номоканонъ Іоанна Постника) къ VI—VII вв., такъ увѣренно говорятъ о духовникахъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ по крайней мѣрѣ въ указанныя столѣтія, точно это фактъ доказанный. Между тѣмъ на духовниковъ, т. е. пресвитеровъ-совершителей тайной исповѣди за это время мы не знаемъ указаній. Совершавшіе покаяніе пресвитеры, которыхъ оба ученые очевидно отождествляютъ съ духовниками, представляютъ иное явленіе. Прежде всего нигдѣ ни одни изъ этихъ пресвитеровъ не называются духовникомъ или отцемъ духовнымъ (*πνευματικός πατήρ*) и отождествленіе въ данномъ случаѣ является совершенно произвольнымъ. Изъ разобранныхъ извѣстій IV—V стол. не видно и того, чтобы пресвитеры были совершителями именно тайной исповѣди, каковы и есть духовники, а относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно обратное,—принятіе исповѣди публичной. Наконецъ духовничество предполагаетъ цѣлую систему нравственно-бытовыхъ отношеній между духовнымъ отцемъ и дѣтьми, очень сходную, почти тождественную съ той, которая существовала въ институтѣ монастырскаго старчества,—систему, на которую и намекаютъ въ разобранныхъ показаніяхъ преп. Нила и Исидора.

Проф. Павловъ повидимому предполагаетъ эти нравственно-бытовья отношенія, когда говоритъ, что духовниками мірянъ вслѣдъ за уничтоженіемъ должности покаяннаго пресвитера были приходскіе священники. Но проф. Суворовъ основательно выяснилъ въ отвѣтъ на эту гипотезу, что приходская жизнь въ восточной церкви развилась значительно значительно позже ¹⁾.

Но если нельзя отождествлять этихъ пресвитеровъ съ духовниками, то не одно ли и тоже они съ покаяннымъ пресвитеромъ? Строго говоря, нѣтъ. Покаянный пресвитеръ совершалъ лишь частную исповѣдь, а не публичную, онъ только наблюдалъ за кающимися, не имѣя повидимому власти разрѣшать ихъ отъ грѣховъ. Такимъ образомъ относительно IV и V стол. остается въ полной силѣ выводъ проф. Суворова, что тогда не было связи между пресвитерскимъ саномъ и тайною исповѣдью.

Въ концѣ періода всел. соборовъ, когда публичная исповѣдь окончательно исчезла и замѣнилась тайною, несомнѣнно пресвитеры являлись ея совершителями, но здѣсь они дѣйствовали не одни. У преп. Θεодора Студита они являются въ срединѣ между епископами съ одной стороны, простыми монахами съ другой. Указанный выводъ проф. Суворова имѣетъ значеніе и здѣсь, что тогда (въ к. VIII—нач. IX вв.) не было исключительной связи между пресвитерской степенью и тайной исповѣдью.

Мнѣніе проф. Павлова, что носителями духовной власти вязать и рѣшить были и признавались только лица имѣвшія священный санъ, т. е. епископы, дѣйствовавшіе этою властью въ области внѣшняго формальнаго суда церкви, и пресвитеры-духовники, проявлявшіе ту же власть на тайномъ судѣ исповѣди—опровергается съ двухъ сторонъ: мы видѣли епископовъ, принимающихъ тайную исповѣдь, и пресвитеровъ, выслушивающихъ исповѣдь открытую; наконецъ мы не видѣли возможности признать существованіе института—духовника въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Проф. Суворовъ считаетъ единственными совершителями тайной исповѣди въ періодъ вселенскихъ соборовъ монаховъ,—независимо отъ того, имѣли они священный санъ

¹⁾ Вопр. о Номок. Іоанна Постн., 70—73.

или нѣтъ. Что они принимали тайную исповѣдь мірянъ, несомнѣнно. Что они разрѣшали ихъ отъ грѣховъ, очень вѣроятно. Но разъ мы имѣемъ данныя, доказывающія принятіе тайной исповѣди самими епископами, разъ носители власти ключей непосредственно сами (хотя бы и не каждый разъ такъ) осуществляли эту власть—вязали и рѣшили, были органомъ тайной исповѣди,—то, разумѣется, мы не имѣемъ права признавать старцевъ совершителей тайной исповѣди за церковный ея органъ, или даже за суррогатъ этого органа, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не признала ихъ такими сама церковная власть.

(Окончание слѣдуетъ).

С. Смирновъ.
